УДК 347.736

Падусева О.Д.
студентка магистратуры
3 курс, Юридический факультет
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола
Научный руководитель: Смирнов Н.Н., кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры частного права России и зарубежных стран
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
Россия, г. Йошкар-Ола

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА ПРИ ТРАНСГРАНИЧНОМ БАНКРОТСТВЕ

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению проблем определения применимого права при трансграничном банкротстве (выбор статута несостоятельности). Дается понятие lex fori concursus. Анализируются международные подходы к вопросу и возможность их применения в России.*

Ключевые слова: *банкротство, трансграничная несостоятельность, применимое право, кредитор, должник.*

Annotation: *The article is devoted to the problems of determining the applicable law in cross-border bankruptcy (the choice of an insolvency statute). The concept of lex fori concursus is given. The international approaches to the issue and the possibility of their application in Russia are analyzed.*

Key words: *bankruptcy, cross-border insolvency, applicable law, creditor, debtor.*

Трансграничное банкротство наступает в случае, когда процесс банкротства выходит за пределы одного государства и начинает взаимодействовать с правовыми системами двух или более государств.

Концепция основного и вторичного производства при рассмотрении дела о трансграничной несостоятельности предполагает, что основное производство может обладать экстерриториальным эффектом, в то время как территориальные вторичные производства направлены на ликвидацию и применяются только к имуществу, находящемуся на территории страны, где процедура была инициирована. Однако в российском законодательстве не установлено разграничение между основным и вторичным производством в рамках процедур банкротства, что ведет к отсутствию регулирования вопросов международной подсудности для вторичных производств, а также отсутствию оснований для их возбуждения и механизмов взаимодействия между различными процедурами банкротства.

При рассмотрении дела о трансграничной несостоятельности, применяемое право определяется на основе принципа lex fori concursus – это означает, что суд, надзирающий за процедурой банкротства, применяет свое национальное банкротное право. Однако, для обеспечения стабильности предпринимательской деятельности и защиты интересов уязвимых сторон, может быть возможность применения права другого государства к определенным аспектам правоотношений, таким как трудовые отношения или права на недвижимое имущество.

Международная судебная компетенция относится к российскому институту процессуального права и руководствуется в своей деятельности принципом lex fori, тогда как в отношении дел о банкротстве применяется lex fori concursus [1, с. 54].

Определение применимого права в отношениях с иностранным элементом осуществляется через коллизионные нормы. Коллизионные нормы,

связанные с банкротством, обычно состоят из двух частей - сферы (виды регулируемых отношений) и привязки (указание на применимое право).

Важно отметить, что продвинутые модели управления трансграничным банкротством включают всеобъемлющую систему урегулирования коллизий в международной процедуре банкротства.

На текущий момент наиболее общепризнанным и широко используемым коллизионным принципом для определения применимого права в случае банкротства является lex fori concursus, то есть право страны, в которой был открыт процесс по делу о банкротстве. Она обеспечивает единство применяемых материально- и процессуально-правовых режимов в делах о несостоятельности, обеспечивает прогнозируемость в отношении применяемого права, а также уменьшает риски установления содержания иностранного регулирования несостоятельности в суде [2, с. 124].

Регламент ЕС № 2015/848 в статье 7 подробно рассматривает область действия lex fori concursus и включает в нее: определение круга должников, определение состава активов должника с целью формирования общей имущественной массы, установление полномочий должника и управляющего, последствия начала производства о банкротстве для текущих контрактов должника, требования к имущественной массе должника, порядок подачи требований к должнику, распределение доходов от реализации активов, порядок удовлетворения требований кредиторов [3].

В российском законодательстве такие специальные нормы отсутствуют. Однако этот пробел может быть заполнен путем применения части 2 статьи 1186 Гражданского кодекса РФ. Таким образом, несмотря на отсутствие специализированной коллизионной нормы, в праве имеется возможность адаптировать свои положения путем интерпретации отдельных положений Гражданского кодекса РФ и применения принципа lex fori concursus.

В случае, когда невозможно определить применимое право, следует обратиться к законодательству страны, с которой гражданские

правоотношения, содержащие элементы иностранного права, имеют наиболее тесную связь. В соответствии с правовой природой отношений несостоятельности они наиболее сильно связаны с государством, в котором было возбуждено производство, что позволяет российским судам применять lex fori concursus.

В российской судебной практике принцип lex fori concursus артикулирован в Постановлении Президиума ВАС РФ от 12.11.2013 № 10508/13 [4]. Далее он неоднократно использовался в судебной практике, хотя, как правило, в качестве обоснования для применения российских законов о банкротстве при начале производства. Ни на законодательном уровне, ни в судебных разъяснениях не существует системы исключений из принципа lex fori concursus [5, с. 123].

Примером ситуации, когда может быть применима такая норма, может служить дело компании «Витмет», в котором российский кредитор иностранного должника подал индивидуальный иск в российский суд о взыскании арендной платы, расторжении договора аренды и требовании от ответчика вернуть истцу государственный земельный участок. ВС РФ сформулировал позицию, в соответствии с которой суд обладал эффективной юрисдикцией для рассмотрения этого требования кредитора. В то же время суд отметил, что «при отсутствии специальных международных договоров по вопросам взаимного признания и приведения в исполнение судебных решений по делам о несостоятельности (банкротстве), стороной которых являлась бы Российская Федерация, эти требования не могут быть рассмотрены в юрисдикции иностранного государства, в том числе в рамках иностранного дела о банкротстве» (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2020 по делу № 310-ЭС20-3002, А83-6324/2018). В ситуации, когда доступны ограниченные инструменты для правового регулирования вопросов, связанных с трансграничной несостоятельностью, суд может обеспечить защиту интересов

отечественного кредитора только путем рассмотрения его требований в рамках отдельного искового заявления.

Между тем применение lex fori concursus может вызвать затруднения в экономической активности, так как выбранное законодательство о несостоятельности может оказаться непрозрачным и неизвестным для кредиторов, если бизнес их партнёров имеет трансграничную природу. Тем не менее, для обеспечения стабильности предпринимательской деятельности и защиты интересов уязвимых сторон можно устанавливать исключения из ключевого принципа lex fori concursus.

Можно выделить несколько типов таких исключений. Одним из них является замена lex fori concursus на совершенно другое законодательство через специальные привязки для конкретных групп отношений («исключение замены»). Вторым случаем является применение двух (иногда трех) правовых систем к одним и тем же правоотношениям в контексте закона о несостоятельности.

Международное экспертное сообщество признает необходимость включения исключений из принципа lex fori concursus. Однако важно соблюдать требование, чтобы эти исключения были установлены на законодательном уровне и не были произвольными. И только в таком случае они смогут выполнять свои функции и обеспечивать предсказуемость для бизнеса при оценке правовых рисков.

Если же государство не делает исключений из принципа lex fori concursus и не предлагает систему коллизионного регулирования банкротств, то по Руководству ЮНСИТРАЛ следует использовать принцип функциональной заменимости. Этот принцип предусматривает, что требования кредиторов, одинаковые по содержанию и функциям (даже если они подчиняются праву разных государств), должны подчиняться одному и тому же режиму в рамках процедуры банкротства [6], чем иногда, но не без проблем [7], руководствуются российские суды.

Делая вывод, можно отметить, что в законодательстве России в настоящее время нет системного коллизионного регулирования трансграничных банкротств. Этот пробел заполняется судами при толковании общих норм международного частного права, таких как статьи 1186 и 1202 ГК РФ.

Использованные источники:

1. Ярков, В.В. Компетенция российских судов по делам о трансграничной несостоятельности / В.В. Ярков // Российский юридический журнал. - 2023. - № 1. - С. 52-64.
2. Мохова, Е.В. Трансграничный эффект банкротства: институт специального банкротного признания в зарубежном праве и международных стандартах (часть 2) / Е.В. Мохова // Закон. - 2022. - № 9. - С. 122-137.
3. Регламент ЕС от 20 мая 2015 г. № 2015/848 о производстве по делам о несостоятельности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: КонсультантПлюс (дата обновления 30.10.2023).
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.11.2013 № 10508/13 по делу № А40-108528/12-50-1134. [Электронный ресурс]. Режим доступа: КонсультантПлюс (дата обновления 30.10.2023).
5. Мохова, Е.В. Трансграничный эффект банкротства: институт специального банкротного признания в зарубежном праве и международных стандартах (часть 1) / Е.В. Мохова // Закон. - 2022. - № 8. - С. 121-136.
6. Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: КонсультантПлюс (дата обновления 30.10.2023).
7. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11 марта 2011 г. по делу № А79-3955/2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: КонсультантПлюс (дата обновления 30.10.2023).